

СТАТЬИ

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ В РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Н. А. Попов

В последнее время в советской историографии появилась интересная проблема, которая раньше почти не разрабатывалась, — участие зарубежных интернационалистов в революционной борьбе трудящихся нашей страны. При этом основное внимание исследователи уделяют периоду 1917—1920 гг.¹, что вполне закономерно, так как именно в эти годы ярко проявилось братское революционное содружество трудящихся России с представителями рабочих и крестьян других стран. Однако пролетарская интернациональная солидарность отчетливо прослеживается и в годы первой мировой войны. В частности, большой интерес представляет изучение революционных выступлений военнопленных в России в 1914—1917 годах. К сожалению, эта тема в наших новейших исследованиях освещается только в самом общем виде; что касается литературы 20—30-х годов, то можно назвать лишь несколько работ: это небольшие и недостаточно документированные статьи А. Шипека², И. Шнейдера³ и некоторые другие⁴, далеко не исчерпывающие вопроса.

Между тем в трудах реакционных буржуазных авторов всячески искажается положение военнопленных в России, отрицается гуманное отношение к ним русских рабочих и крестьян, замалчивается интернациональная солидарность трудящихся. Подобные извращения имели место в работах, вышедших еще в довоенные годы⁵, но главным образом они характерны для ряда книг и статей, появившихся в Западной Германии в последнее десятилетие⁶.

На основе архивных и других документальных материалов, воспоминаний, отечественной и иностранной прессы мы попытаемся осветить

¹ Подробнее об этом см. И. Муратов. Из истории интернациональных формирований в СССР в 1918—1922 годах. (Обзор литературы). «Военно-исторический журнал», 1960, № 5.

² А. Шипек. Военнопленные и их использование в мировой и гражданской войне. «Война и революция», 1928, № 2.

³ И. Шнейдер. Революционное движение среди военнопленных в России. 1915—1919 гг. «Борьба классов», 1935, № 3.

⁴ Есть несколько статей на венгерском языке, помещенных в журнале «Sarló és kalapács» («Серп и молот»), который издавали в СССР бывшие венгерские военнопленные.

⁵ Elsa Brändström. Unter Kriegsgefangenen in Russland und Sibirien. 1914—1920. Berlin. 1923; «Illustrierte Geschichte des Bürgerkrieges in Russland». Berlin. 1929.

⁶ См. O. Anweiler. Die Rätebewegung in Russland 1905—1921. Ein Beitrag zur Geschichte des Bolschewismus und russischen Revolution. Hamburg. 1954; W. Tormin. Zwischen Räterediktatur und sozialer Demokratie. Die Geschichte der Rätebewegung in der deutschen Revolution 1918—1919. Düsseldorf. 1954; A. Rosenberg. Entstehung und Geschichte der Weimarer Republik. Frankfurt a. M. 1955; F. Stampfer. Erfahrungen und Erkenntnisse. Aufzeichnungen aus meinem Leben. Köln. 1957.

некоторые вопросы революционной борьбы военнопленных в России в 1915—1917 годы.

Уже к концу 1916 г. в России оказалось большое количество военнопленных. Если общая численность солдат и офицеров, плененных армиями стран Антанты к этому времени, составляла 2 313 тыс. человек⁷, то в России находилось более 1,5 млн. человек⁸. Всего в 1914—1918 гг. в русском плену насчитывалось не менее 2 млн. человек⁹. Эта огромная людская масса была различна по своему социальному составу. Однако подавляющее ее большинство составляли рабочие и крестьяне, одетые в солдатские шинели. Пленных размещали в специальных лагерях, которые были расположены в районах Мурманска, Петрограда, Москвы, Харькова, Казани, Омска, Иркутска, Ташкента, Владивостока и ряда других городов страны.

Царское правительство использовало труд военнопленных в самых различных отраслях хозяйства. К концу 1915 г. в тыловых районах страны трудилось около 550 тыс. военнопленных¹⁰, к 1 сентября 1916 г. их число превысило 1 млн.¹¹, а к 1 апреля 1917 г. увеличилось до 1 648 тысяч¹². Больше всего рабочих-военнопленных было в промышленных районах России: на Урале, в Донбассе, Криворожье. Здесь на заводах и фабриках, шахтах и стройках в результате тесного общения с русским пролетариатом совершался постепенный процесс их революционного пробуждения и классового воспитания. Вместе с рабочими России они начали активно включаться в революционную борьбу против тяжелых условий труда и нещадной эксплуатации, за прекращение войны.

Сведения о первых выступлениях военнопленных относятся к началу лета 1915 года. 19 мая управляющий Риддерским рудником на Алтае доносил, что применение труда военнопленных «идет не гладко»: 60 человек отказались от работ и забастовали. Он просил срочно прислать конвой с «соответствующими полномочиями» и сообщил, что к забастовщикам приняты репрессивные меры — сокращено питание¹³. Неоднократные забастовки имели место в 1915 г. и на строительстве Бухарской железной дороги¹⁴. В августе здесь бастовало более 60 человек. 13 августа начальник одного из участков строительства телеграфировал главному инженеру о непреклонности забастовщиков: «Военнопленные продолжают упорствовать, заявляя, что их никакими силами работать заставить не могут»¹⁵. На строительстве Мурманской желез-

⁷ «Вопросы страхования», 1916, № 11, стр. 6.

⁸ См. сборник ЦСУ «Россия в мировой войне 1914—1918 годов (в цифрах)». М. 1925; «Мировая война в цифрах». М.-Л. 1934.

⁹ Точные данные о количестве военнопленных в России установить трудно. Так, Эльза Брендстром пишет, что, по сведениям Международного Красного Креста, в русском плену находилось 2 342 378 человек (см. указ. соч., стр. 21). Эту же цифру повторяют в своих работах Йожеф Рабинович (см. «Sarló és kalapács», 1931, № 7, 34—39. old.), Вие Дьеркен и Антал Йожа (см. сборник «Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции». М. 1959, стр. 22). В 1-м издании ВСЭ указывается, что в русском плену находилось около 2,3 млн. солдат и офицеров австро-венгерской и турецкой армий и 167 тыс. немцев (см. т. 12, стр. 284). В других работах называются более заниженные цифры (см. И. Шнейдер. Указ. соч., стр. 54; Л. И. Жаров, В. М. Устинов. Интернациональные части в боях за власть Советов. М. 1960, стр. 7; Сборник ЦСУ «Россия в мировой войне». М. 1925, стр. 8). По сведениям Центральной коллегии о пленных и беженцах, к 1 сентября 1917 г. в 6 военных округах (Московский, Казанский, Омский, Иркутский, Приамурский, Туркестанский) находилось в плену 28 638 офицеров и 1 221 617 нижних чинов (Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. 13554, оп. 3, д. 575, лл. 1—4).

¹⁰ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 10, лл. 77—82.

¹¹ Там же, ф. 369, оп. 9, д. 9, лл. 10—11. Справка «К вопросу об использовании труда военнопленных».

¹² «Статистика труда», 1918, № 2—3, стр. 31—32

¹³ ЦГИАЛ, ф. 1423, оп. 1, д. 25, л. 134.

¹⁴ Там же, ф. 301, оп. 1, д. 500, л. 261.

¹⁵ Там же, оп. 2, д. 144, л. 176.

ной дороги¹⁶ с июля по октябрь того же года произошло три забастовки¹⁷.

Происходили волнения и в Красноуфимском уезде, Пермской губернии, где на постройке Западно-Уральской железной дороги и железной дороги Казань — Екатеринбург работало до 4 тыс. военнопленных. Департамент полиции сообщал в главное управление генштаба, что в течение всего 1915 г. здесь наблюдались забастовки и брожения, выступления пленных совместно с русскими рабочими за увеличение платы и улучшение экономических условий¹⁸. В связи с этим пермский губернатор издал распоряжение, согласно которому военнопленные, принимавшие участие в забастовках, возвращались в ведение военного начальства «для содержания на строгом тюремном режиме на все время пребывания в плену». Русские рабочие, подерживавшие их требования, подверглись крупному денежному штрафу или тюремному заключению на срок до 3 месяцев. При этом подчеркивалось, что военнопленным воспрещалось вступать с русским населением в разговоры, особенно по политическим, военным и общественным вопросам¹⁹.

1916 г. характеризовался дальнейшим ростом борьбы. В январе вспыхнула крупная забастовка на Таганрогском металлургическом заводе. К ней дружно присоединились и военнопленные, организаторами которых были венгры: Донсай, Сендери, Мешко, Фрай, Конечный, Киروش и Лукач²⁰. В мае вспыхнула забастовка военнопленных в Мариупольском порту. В ней участвовало около 200 человек, отказавшихся грузить уголь. Организаторы и многие участники забастовки были избиты; 126 человек предано суду военного трибунала²¹. В начале 1916 г. произошли забастовки военнопленных на Экибастузских каменноугольных копях, Воскресенской железной дороге и на заводе «Гусь-Хрустальный» во Владимирской губернии. 300 пленных солдат, работавших на этом заводе, выдвинули требование улучшить их материальное положение. В докладе губернатора в главное управление генштаба отмечалось, что здесь действовала «группа, которая влияет на всех остальных». За организацию забастовки многие ее участники были подвергнуты аресту²².

Частые выступления и забастовки военнопленных серьезно обеспокоили правящие круги царской России. Недаром в докладной записке помощника военного министра подчеркивалось, что забастовки военнопленных являются «совершенно недопустимым явлением как с точки зрения интересов работ на оборону, так в особенности с точки зрения авторитета государственной власти»²³. Правление киргизского горнопромышленного акционерного общества писало в министерство торговли и промышленности, что неоднократные выступления пленных в стачечной борьбе подрывают «авторитет и престиж русской власти»²⁴. 25 мая 1916 г. министр внутренних дел направил циркуляр губернаторам, в котором потребовал применения строжайших мер против забастовок и выступлений²⁵. Такая же директива была направлена главным управлением генштаба всем командующим военных округов. В ней предписывалось, чтобы военнопленные были тщательно изолированы от местных рабочих «во избежание разного рода вредных от того последствий, в виде

¹⁶ К концу 1915 г. на строительстве Мурманской железной дороги работало 27 тыс. военнопленных. Центральный государственный архив Карельской АССР (ЦГА КАСР), ф. 1576, оп. 1, д. 300, л. 13.

¹⁷ Там же, ф. 320, оп. 3, д. 36, л. 41; д. 39, лл. 76, 102.

¹⁸ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 2, д. 35, лл. 52—54.

¹⁹ Там же, л. 53.

²⁰ Там же, л. 48.

²¹ Там же, ф. 1606, оп. 2, д. 1065, лл. 90—91, 93.

²² Там же, ф. 2000, оп. 2, д. 35, лл. 220—221; ЦГИАЛ, ф. 1423, оп. 1, д. 37, л. 39.

²³ Там же, ф. 369, оп. 9, д. 9, л. 2.

²⁴ ЦГИАЛ, ф. 1423, оп. 1, д. 37, л. 39.

²⁵ ЦГВИА, ф. 369, оп. 9, д. 9, л. 4.

протестов, забастовок и всяких проявлений недовольства...»²⁶. Всех организаторов выступлений, указывалось в директиве, надо строжайше изолировать и отдавать под суд, иначе «прочие пленные останутся под впечатлением безнаказанности зачинщиков и будут продолжать начавшуюся забастовку»²⁷.

Но эти меры не дали желаемых для царизма результатов. Летом 1916 г. на совещании губернаторов в Петрограде отмечалось, что военнопленные продолжают бастовать, предъявляют «незаконные требования, отказываются от работ»²⁸. С каждым месяцем волнения среди них усиливались. В июне забастовало 500 человек на Днепровском заводе Екатеринославской губернии²⁹. В это же время начались выступления на ситценабивной фабрике около Оханска³⁰ и в Сретенске³¹. Несколько позднее вспыхнула крупная забастовка на Усть-Катавском заводе, где в течение двух дней бастовало 163 человека³². Неоднократные выступления имели место и на строительстве Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги. Инициаторами их являлись Марец Грауль, Ян Рихрик и Юзеф Жезничек³³. По распоряжению начальника жандармского отделения все они были арестованы³⁴.

Большое влияние на военнопленных, находившихся в Туркестанском военном округе, оказало восстание в Средней Азии в 1916 году. Уже в начале восстания командование округа, опасаясь, что волнения могут охватить и пленный, приняло срочные меры для их перевода в другие районы. В результате этого количество пленных в округе сократилось с 82 до 22 тысяч³⁵. 12 июля командующий войсками округа приказал воинским начальникам «принять все надлежащие меры к содержанию военнопленных под самым бдительным надзором во всех случаях их жизни», обратив особое внимание «против возможности посещения пленными туземных частей города, чайханы и общения с туземцами»³⁶. Но, несмотря на это, царским властям не удалось добиться своей цели: военнопленные в массовом порядке отказывались от работ, выражая тем самым солидарность с восставшим местным населением. 27 июня командующий округом приказал всех, кто отказывался от работ, возвратит в лагеря, подвергнуть месячному аресту со строгим содержанием на хлебе и воде, а затем перевести на тюремный режим до окончания войны³⁷. В начале августа вновь последовало строжайшее распоряжение: всех «военнопленных-рабочих совершенно изолировать от туземцев»³⁸.

Выступления военнопленных в 1915—1916 гг. проходили под лозунгами: «Хлеба и одежды!», «Улучшить экономическое положение!», «Долой войну!», «Вернуть домой!». В этих выступлениях преобладали еще элементы стихийности, недостаточной организованности. Мы не распо-

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, л. 5.

²⁸ Там же, л. 8.

²⁹ Там же, л. 2.

³⁰ Забастовка проходила под руководством венгерского военнопленного Антала Погоньи. См. Антал Погоньи. Военнопленные на ситценабивной фабрике Шишкова. Сборник «Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции», стр. 218.

³¹ Организаторами забастовки были немцы Курт Шен и Колхоф. См. Курт Шен. Как мы стали друзьями русской революции. Сборник «Этих дней не смолкнет слава». М. 1958, стр. 159—160.

³² ЦГВИА, ф. 369, оп. 9, д. 21, л. 456.

³³ Государственный исторический архив Ленинградской области (ГИАЛО), ф. 1280, оп. 1, д. 847, л. 87.

³⁴ Там же, л. 87 а.

³⁵ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 10, лл. 77—82; ф. 1396, оп. 2, д. 1954, л. 23.

³⁶ ЦГИАЛ, ф. 301, оп. 1, д. 502, л. 215.

³⁷ Там же, оп. 2, д. 144, л. 114.

³⁸ Там же, л. 677.

лагаем необходимым документальным материалом, чтобы детально проследить деятельность революционных групп военнопленных, руководивших выступлениями последних в эти годы. Но одно несомненно: такие группы были, с каждым месяцем они росли и крепились. Их рост шел под непосредственным влиянием революционно настроенных рабочих России. Местные рабочие, и прежде всего большевики, знакомили пленных с международным положением, политикой партии, учением великого Ленина. Русские рабочие, вспоминая впоследствии венгр Немети Лайош, работавший в годы мировой войны на Нижне-Салдинском металлургическом заводе, часто приглашали военнопленных к себе домой, вели с ними беседы о довоенной жизни, об общности судеб всех пролетариев. «В ходе таких откровенных бесед мы впервые услышали о Владимире Ильиче Ленине, о котором все говорили с большим уважением, как о вожде большевиков...»³⁹. Венгр Янош Балог, находившийся в 1916 г. на строительстве Казанско-Екатеринбургской железной дороги, рассказывал, что русские рабочие знакомили его товарищей с трудами В. И. Ленина, учили, что «империалистическая война должна превратиться в гражданскую... объясняли пленным различие между большевиками и меньшевиками, изучали революцию 1905 года, ее ошибки и готовили Октябрьскую революцию»⁴⁰.

В конце 1916 — начале 1917 г. произошли важные изменения в революционном движении военнопленных: значительно расширились их связи с трудящимися России, большевистской партией. Ярким примером тому служат события в Красноярске и Кадиевке (1916 г.). Один из красноярских предпринимателей, желая снизить расценки русским рабочим, добился направления на строительство группы военнопленных, которым была назначена мизерная плата. Тогда местный большевистский комитет провел разъяснительную работу среди последних, и они дружно выступили в поддержку местных рабочих. Произошла многодневная забастовка, победу в которой одержали военнопленные. Ставки рабочим снижены не были⁴¹. В это же время в другом конце страны, в донбасском поселке Кадиевка, забастовало 3 тыс. шахтеров и военнопленных. Руководила этим выступлением подпольная большевистская организация, в которую входило более 20 пленных австро-венгерских солдат⁴².

В результате деятельности большевистских организаций в конце 1916 — начале 1917 г. в ряде лагерей (в Томске⁴³, Коврове, Иваново-Вознесенске, Омске⁴⁴, Луганске⁴⁵, Чите⁴⁶, Красноярске⁴⁷ и других городах) возникли антимилитаристские, а затем и социал-демократические группы. Во главе их стояли последовательные интернационалисты. В томских лагерях социал-демократическую группу возглавляли Бела Кун и Ференц Мюнних⁴⁸, в Красноярске — Ференц Патаки и Колхоф⁴⁹, в Омске — Карой Лигети⁵⁰, на уральских заводах — Тибор Самуэли⁵¹ и

³⁹ Немети Лайош. Так для меня начиналась новая жизнь. Сборник статей и воспоминаний «В боях и походах». Свердловск. 1959, стр. 554.

⁴⁰ См. «Sarló és kalapács», 1932, № 10—11, 100. old.

⁴¹ И. Шнейдер. Указ. соч., стр. 59.

⁴² См. Ф. А. Комарова. Интернационалисты зарубежных стран в борьбе за власть Советов в России. М. 1958, стр. 10.

⁴³ См. сборник «Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции», стр. 184.

⁴⁴ Лигети Карой. Избранные произведения. Будапешт. 1957, стр. 8.

⁴⁵ «Дружба народов», 1957, № 10, стр. 120.

⁴⁶ А. А. Мюллер. В пламени революции (1917—1920 гг.). Иркутск. 1957, стр. 16.

⁴⁷ См. Курт Шен. Указ. соч., стр. 161.

⁴⁸ См. сборник «Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции», стр. 184.

⁴⁹ См. Курт Шен. Указ. соч., стр. 161.

⁵⁰ Лигети Карой. Указ. соч., стр. 12.

⁵¹ «Сибирские огни», 1958, № 2, стр. 111.

т. д. Эти пионеры революционного движения военнопленных в России поддерживали связь с большевиками, переводили на родной язык работы В. И. Ленина, отдельные статьи из русской революционной печати, распространяли большевистскую литературу, разъясняли товарищам политику большевистской партии, вели агитационную работу. Таким образом, еще до Февральской революции школу пролетарского интернационального воспитания прошли тысячи военнопленных из самых различных стран. Это были, как говорил впоследствии Матэ Залка, хорошие университеты, университеты классовой борьбы и международной пролетарской солидарности.

Победа Февральской буржуазно-демократической революции в России оказала огромное воздействие на широкие массы военнопленных. Из разных районов страны поступали сведения об их активности и солидарности с российским рабочим классом. В Омске, Томске, Екатеринбургe, Туле, Орле, Харькове, Нижнем Новгороде, Кашире и многих других городах военнопленные приняли участие в народных выступлениях против царского самодержавия⁵². Вскоре после Февральской революции, пишет один из руководителей большевистских организаций в Сибири, Клипов, Бела Кун в беседе с ним заявил, что военнопленные «очень хотят помочь нашей революции»⁵³. В обращении к русским рабочим Уленьских рудников Минусинского уезда, напечатанном в газете «Товарищ», они просили смотреть на них не «как на врагов, а как на братьев», которые желают «принять участие в борьбе за освобождение рабочего класса всех народов». Редакция газеты горячо приветствовала это заявление и выражала надежду, что «русские рабочие на Улени пойдут навстречу своим товарищам-иностранцам»⁵⁴.

24 марта 1917 г. команда военнопленных чехов и сербов в количестве 56 человек, работавшая на строительстве хлопкоочистительного завода около Ташкента, направила в местный Совет заявление, в котором писала о желании «помочь своим братьям русским»⁵⁵. От той мизерной платы, которую военнопленные получали за свой труд, они делали отчисления в пользу семей, кормильцы которых пали в борьбе с царским самодержавием. Так, 9 апреля команда немецких военнопленных, работавшая на заводе «Никополь», пожертвовала для семей погибших 101 руб. 70 копеек⁵⁶.

Этот подъем революционной активности военнопленных породил серьезную тревогу в буржуазно-помещичьих кругах. 29 марта съезд управляющих уральских заводов констатировал, что «под влиянием современных событий» у военнопленных усилилась тяга к расширению революционной борьбы. В связи с этим съезд просил правительство принять надлежащие меры и дать соответствующие указания милиции, комитетам общественной безопасности и командующему Казанским военным округом⁵⁷. 5 апреля на заседании горнопромышленников Криворожского железорудного района⁵⁸ также отмечалось, что военнопленные примкнули «к теперешнему политическому и социальному движению в

⁵² ЦГВИА, ф. 1558, оп. 9, д. 15, л. 440.

⁵³ См. сборник статей «Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии». Иркутск. 1957, стр. 257.

⁵⁴ «Товарищ», 4 мая 1917 года.

⁵⁵ А. М. Матвеев. Из истории зарождения движения иностранных интернационалистов в Туркестане (конец 1917 — середина 1918 г.). «Труды Среднеазиатского государственного университета имени В. И. Ленина. 1959. Вып. 151. Всеобщая история, стр. 15.

⁵⁶ См. «Борьба за власть Советов в Донбассе». Сборник документов и материалов. 1957, стр. 22—23.

⁵⁷ ЦГИАЛ, ф. 51, оп. 1, д. 291, л. 115.

⁵⁸ В криворожском железорудном районе насчитывалось 25 тыс. рабочих. Из них 15 тыс. составляли военнопленные. ЦГВИА, ф. 1837, оп. 1, д. 439, лл. 2, 4.

нашем отечестве»⁵⁹, участвуют в волнениях и демонстрациях. Для установления «порядка» в этот район был направлен воинский отряд в составе 400 человек⁶⁰. Военный министр Временного правительства А. Гучков 9 апреля издал приказ о соблюдении строгого режима для военнопленных и о немедленном направлении всех участников революционных выступлений в ближайшие лагеря, где к ним будет применен «самый суровый режим и строгие наказания»⁶¹.

Многие военнопленные думали, что падение самодержавия приведет к окончанию войны и возвращению их на родину. Однако эти иллюзии быстро рассеялись. Стало ясно, что Временное правительство продолжает политику русского царизма, а поэтому ждать от него свободы и мира нельзя. «Правительство Керенского,— писал австрийский военнопленный Макс Гроссер,— нам принесло вместо свободы еще более тяжелое рабство»⁶².

Стремление Временного правительства изолировать военнопленных от политической жизни в стране и революционной борьбы рабочего класса не дало результатов. Все более популярными становились большевистские лозунги пролетарского интернационализма и превращения империалистической войны в гражданскую, в войну против власти капиталистов и помещиков. Большевистская партия получила теперь более широкие возможности для агитационной деятельности, установления связей с социал-демократическими группами в лагерях. Ее организациями издавались газеты для военнопленных, переводились работы В. И. Ленина, разъяснялось положение в стране и программа большевиков. Самой любимой газетой была большевистская «Правда», которая «тайно распространялась среди рабочих-военнопленных и в лагерях»⁶³. Летом 1917 г. венгерские революционеры перевели на родной язык «Апрельские тезисы» В. И. Ленина и в рукописях распространяли их среди военнопленных, разъясняя ленинскую программу борьбы за мир, за пролетарскую революцию⁶⁴. «Рукописный перевод статей и речей В. И. Ленина,— писал впоследствии Ференц Мюнних,— ходил из рук в руки в лагере». Во время горячих споров друг с другом, в ходе изучения бессмертных творений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина «перед нами открывались новые политические горизонты..., мы приходили к ясному пониманию исторической роли пролетариата»⁶⁵. В красноярских лагерях союз коммунистов-интернационалистов издавал газету «Vorwärts» («Вперед»). В ней публиковались сообщения о событиях в стране, материалы о приезде В. И. Ленина в Россию⁶⁶. В этих же лагерях общество венгерских учителей выпускало рукописную газету, в которой помещались сообщения с родины и с фронта, заметки о революционных событиях. Кроме того, выходил литературный и общественно-политический журнал, передававшийся из рук в руки⁶⁷. Вспоминая это время, бывший военнопленный И. Шнейдер писал: «Большевистские листовки и газеты проникали всюду. Военнопленные с энтузиазмом читали большевистскую литературу...»⁶⁸.

⁵⁹ Там же, л. 2.

⁶⁰ Там же, л. 16.

⁶¹ Там же, ф. 1558, оп. 9, д. 15, л. 41.

⁶² «Красный флот», 22 октября 1919 года.

⁶³ Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 17, оп. 11, ед. хр. 317, л. 93.

⁶⁴ См. И. Г. М а т в е е в. Участие венгерских интернационалистов в борьбе за установление и укрепление Советской власти в Сибири (Февраль 1917—1921 гг.). «Труды» Новосибирского электротехнического института связи. 1958. Вып. 1, стр. 24.

⁶⁵ «Sarló és kalapács», 1930, № 4, 33. old.

⁶⁶ См. Курт Ш е н. Указ. соч., стр. 161.

⁶⁷ См. сборник «Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции», стр. 305.

⁶⁸ И. Ш н е й д е р. Указ. соч., стр. 57.

Активная пропаганда и агитация большевиков оказывали большое влияние. Старый большевик В. В. Рябиков позднее отмечал, что своей лекцией «Кто такой Ленин и почему его травят буржуазные партии?» один из видных сибирских революционеров, Я. Боград, хорошо помог военнопленным разобраться в обстановке, сложившейся в России после Февральской революции⁶⁹. Военнопленный Шандор Сиклай, находившийся на Урале, писал: «Большевистские лозунги борьбы за мир и свободу были очень популярны не только у русских рабочих, но и у военнопленных»⁷⁰.

Примечательно, что многие военнопленные выражали желание вступить в ленинскую партию с тем, чтобы в ее рядах продолжить борьбу за победу социалистической революции и установление демократического мира. Большевики активно поддерживали эти устремления. Так, организация РСДРП(б) г. Миньяр (Уфимская губерния) вынесла решение принимать военнопленных на общих основаниях в ряды партии, доказывая тем самым, что «социал-демократия глубоко верит в силу и окончательное торжество Интернационала»⁷¹. Киевский комитет большевиков, учитывая революционную борьбу военнопленных, также разрешил принимать их в члены партии на общих основаниях⁷². Многие военнопленные-интернационалисты вошли в руководящий состав большевистских партийных организаций. Например, Бела Кун был избран в руководящие органы большевистской организации Томской губернии и принимал участие в редактировании большевистского журнала «Сибирский рабочий», а также газеты «Знамя революции»⁷³.

Братская солидарность военнопленных и рабочих России ярко проявилась в первомайских демонстрациях 1917 года. Временное правительство запретило военнопленным принимать участие в манифестациях. В ответ на это ряд местных Советов и большевистские партийные комитеты приняли меры для совместного празднования международного дня трудящихся. Так, Алапаевский Совет призвал военнопленных не выходить в этот день на работу⁷⁴. Екатеринбургский Совет опубликовал воззвание с приглашением военнопленных на празднование 1 Мая⁷⁵. Большевистский комитет Саткинского завода (Урал) удовлетворил просьбу военнопленных, пожелавших в первомайский праздник «выразить свою солидарность с русским пролетариатом»⁷⁶.

Первомайские митинги и демонстрации, в которых участвовали и военнопленные, состоялись во многих городах. Революционная группа военнопленных во главе с Бела Куном вышла на демонстрацию вместе с Томской партийной организацией. Бела Кун и другие представители этой группы выступали на митинге. То же было и в Красноярске. «Огромное впечатление осталось от выступления военнопленных, оторванных от родной земли, от своих близких и родных,— писала газета «Известия Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов».— Они в этот день почувствовали, что единение между рабочими всего мира и идеи, связывающие всех рабочих земного шара, не разрушились войной, что здесь, в далекой Сибири, на краю света, они приветствуют вместе с русскими Интернационал и вместе с великим народом

⁶⁹ В. В. Рябиков. Центросибирь. Новосибирск. 1949, стр. 57.

⁷⁰ См. «Сибирские огни», 1958, № 2, стр. 111.

⁷¹ «Вперед», 8 июня 1917 года.

⁷² Партийный архив Института истории партии при ЦК КП(б)У, ф. 51, оп. 1, ед. хр. 1, л. 72.

⁷³ См. сборник «Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции», стр. 29, 185.

⁷⁴ ЦГИАЛ, ф. 51, оп. 1, д. 291, л. 151.

⁷⁵ «Материалы архива по истории Октябрьской социалистической революции на Урале (1917 — июль 1918 гг.)» Свердловск. 1957, стр. 20.

⁷⁶ «Вперед», 26 апреля 1917 года.

пойдут на борьбу с врагом всего мира — капитализмом»⁷⁷. В Иваново-Вознесенске 1 мая не работала ни одна фабрика, ни один завод, ни одно торговое предприятие. На митинге австрийские военнопленные обратились к русским рабочим с братским призывом, в котором выражалась большая радость по поводу встречи праздника совместно с трудящимися России. «Мы понимаем, — говорили они, — значение сегодняшнего дня, который открывает новую эпоху во всеобщей истории. И наши сердца пламенеют лозунгами, стоящими на ваших знаменах»⁷⁸.

Сообщения о совместных празднествах поступали и из других мест. Так, на Аша-Балашовском заводе состоялась демонстрация, которая продолжалась 4 часа⁷⁹; активно прошла встреча 1 Мая на Саткинском заводе. Помещая отчет о празднике, газета «Вперед» писала: «Пелись революционные песни, говорились речи, братались люди Востока и Запада, еще вчера брошенные рукой капитала в смертельную битву друг с другом...»⁸⁰.

Солидарность военнопленных с рабочим классом России выражалась в многочисленных совместных выступлениях против капиталистов. В марте вспыхнули забастовки на уральском Маслинском заводе⁸¹, на ст. Червонной, Екатерининской железной дороги⁸², и в Джизаке⁸³. В апреле разразилась стачка на Рахмановском руднике Краматорского общества, для подавления которой было направлено 50 казаков⁸⁴. В мае произошли забастовки на Чимганской санитарной станции и Надеждинском металлургическом заводе⁸⁵. В Надеждинске военнопленные и местные рабочие потребовали от администрации выдачи одежды и продуктов питания. Им отказали, а для подавления начавшейся забастовки направили взвод казаков⁸⁶. В июне прошли волнения на Екатеринбургской железной дороге и в других местах⁸⁷.

Активность военнопленных пугала не только русскую, но и западную буржуазию. Правительства Германии и Австро-Венгрии через контрреволюционно настроенных военнопленных офицеров, «нейтральные» миссии и организации Красного Креста различными методами стремились разжечь национальную рознь, отвлечь военнопленных от революционной борьбы, изолировать от влияния русских рабочих. Подобную задачу преследовали и различные американские организации, которые были созданы в крупнейших лагерях, якобы для «проведения в жизнь... филантропических задач»⁸⁸. Однако эта затея далеко не всегда удавалась. Один из контрреволюционно настроенных военнопленных, прапорщик Диметр Коптек, находящийся в лагере Катта-Курган (Туркестанский военный округ), в секретном письме своему шефу капитану Бруну сообщал, что никакие меры, проводимые филантропическими обществами, не помогают: «Мы не можем поддерживать дисциплину и порядок между солдатами, испорченными русским влиянием»⁸⁹. В идеологической обработке военнопленных активно участвовала буржуазная

⁷⁷ «Известия Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов», 25 апреля 1917 года.

⁷⁸ «Социал-демократ», 21 апреля 1917 года.

⁷⁹ «Вперед», 22 апреля 1917 года.

⁸⁰ Там же, 26 апреля 1917 года.

⁸¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 9, д. 31, л. 31.

⁸² Там же, ф. 1837, оп. 1, д. 439, л. 2.

⁸³ Там же, ф. 1396, оп. 2, д. 1985, лл. 39—40.

⁸⁴ Там же, ф. 1837, оп. 1, д. 439, л. 7.

⁸⁵ Там же, ф. 1396, оп. 2, д. 1985, лл. 42, 45.

⁸⁶ Сборник «Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции», стр. 234.

⁸⁷ «Материалы архива по истории Великой Октябрьской социалистической революции на Урале», стр. 29.

⁸⁸ ЦГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 1936, л. 8.

⁸⁹ Там же, д. 2000, л. 82.

печать. После Февральской революции им разрешалось читать только газеты Временного правительства и прессу меньшевиков и эсеров⁹⁰. С июня 1917 г. было разрешено выписывать и распространять американскую газету «New York Times»⁹¹. Вместе с тем строжайше запрещалась большевистская литература; попытки подписаться на газету большевиков карались немедленным арестом. Командующий войсками Приамурского военного округа в мае издал приказ, разрешавший военнопленным читать «все издания, за исключением прессы большевистской»⁹².

Буржуазия и помещики особенно боялись взаимного влияния военнопленных и солдат русской армии. Еще до Февральской революции один из высокопоставленных чиновников писал, что строжайшая изоляция военнопленных необходима, иначе «мы вместо чудного сибирского солдата через год найдем в местном населении развращенное революционизированное настроение, что, конечно, очень сильно отразится на всем ходе внутренней жизни...»⁹³. Однако все попытки царского, а затем и Временного правительств изолировать военнопленных ни к чему не привели. Связь их с русскими солдатами все более крепла, взгляды солидаризировались. 20 марта в деревне Андреево (стройка железнодорожной линии Гостинополье — Чудово) военнопленные избили десятника при полном бездействии и сочувствии солдат охраны⁹⁴. 17 августа на 27-й версте строительства дороги Петроград — Вырица группа военнопленных, работой которых руководил русский солдат, вооружившись кто чем мог, выступила против администрации⁹⁵. Венгр Матьяш Рупперт в письме на родину летом 1917 г. писал, что среди русских много таких, «которые очень хорошо относятся к нам. Не русские солдаты наши враги, а английские, французские и немецкие капиталисты, которые не хотят мира...»⁹⁶. Русские солдаты с большим интересом относились к беседам с военнопленными. Эта своеобразная агитация со временем приобрела огромные размеры. Начальник Верхнеудинского лагеря сообщил командованию корпуса: «Военнопленные настолько мешают нам своими беседами с нашими солдатами, насколько могут мешать на фронте»⁹⁷.

После июльских дней, которые привели к ликвидации двоевластия и установлению диктатуры буржуазии в стране, были приняты новые меры в борьбе против революционных выступлений военнопленных. 8 июля главное управление генштаба направило командующим военными округами распоряжение, в котором потребовало решительным образом ликвидировать положение, когда военнопленные пользуются «свободой вплоть до участия в политических демонстрациях». Вместе с тем был передан приказ военного министра принять «немедленно самые решительные меры, включительно до предания суду виновных в попустительстве начальствующих лиц»⁹⁸.

Но волнения военнопленных ширились, росло их участие в политических выступлениях. 27 июля председатель съезда горнопромышленников юга России сообщал в столицу, что надзор за пленными «приобрел крайне существенное значение». Владельцы и администраторы горнозаводских предприятий, писал он, неоднократно заявляли Совету съезда, что «проявляется стремление военнопленных образовывать собственные рабочие организации или присоединиться к существующим уже рабочим

⁹⁰ Там же, ф. 1558, оп. 9, д. 15, лл. 87, 90, 92.

⁹¹ Там же, л. 70.

⁹² Там же, л. 85.

⁹³ Там же, ф. 2003, оп. 2, д. 545, л. 40.

⁹⁴ ГИАЛО, ф. 1280, оп. 1, д. 776, л. 335.

⁹⁵ Там же, ф. 1361, оп. 1, д. 591, лл. 85—86.

⁹⁶ «Sarló és kalapács», 1933, № 6, 42. old.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ ЦГВИА, ф. 1558, оп. 9, д. 15, л. 125.

организациям в целях увеличения оплаты труда и участия в других мерах по улучшению быта рабочих». Совет съезда просил немедленно командировать на места для усиления охраны лагерей надежные войска, расположив их в важнейших центрах юга страны⁹⁹.

4 августа председатель Совета съездов горнопромышленников Урала писал председателю Особого совещания по обороне, что неоднократно волнения военнопленных, их стремление создать собственные организации или вступить в организации русских рабочих «наблюдаются на Урале в той же степени, как на юге России». В связи с этим он ходатайствовал о присылке нескольких сотен казаков. Только эта мера, указывалось в письме, «окажется вполне действенной и способной оградить правильное и спокойное производство работ в горнопромышленных предприятиях Урала»¹⁰⁰. Требования горнопромышленников Юга и Урала были поддержаны председателем Особого совещания, который 8 августа направил соответствующие письма в военное министерство¹⁰¹.

Но ни присылка войск, ни усиление репрессий не смогли сломить растущей солидарности военнопленных с пролетариатом России. В июле состоялось выступление на цементном заводе в Туркестане¹⁰², в августе — в Чернобульском лесничестве Речицкого уезда¹⁰³, в начале сентября — на ст. Байкагун, Перовского уезда¹⁰⁴. Неоднократные волнения в мае—августе происходили также в Екатеринбурге на фабрике, принадлежавшей братьям Макаровым. В рапорте коменданта военнопленных узедному воинскому начальнику сообщалось об их неоднократном участии в демонстрациях русских рабочих, присутствии на митингах, забастовках. «Всему этому,— сообщал комендант,— способствовали рабочие фабрики, среди коих много с большевистскими идеями, которые и позволяли с пленными относиться по-братски»¹⁰⁵.

Влияние большевиков на военнопленных отметил в августе и член правления товарищества Алапаевских заводов. В докладе «Относительно политического положения в округе» он писал, что между большевиками и военнопленными установились хорошие отношения¹⁰⁶.

Под влиянием большевиков значительно возросла политическая активность военнопленных. Высшим этапом их борьбы явились конец лета и осень 1917 года. В августе произошла крупная стачка военнопленных, занятых на выкорчевке леса и строительстве железнодорожных путей на северо-восточных склонах Уральских гор. В ней приняло участие до 10 тыс. человек. Выступление было подавлено вооруженной силой, при этом было много убитых и раненых¹⁰⁷. 21 августа военнопленные приняли участие в однодневной политической стачке на Симском, Аша-Балашовском, Миньярском, Усть-Катавском заводах¹⁰⁸. 1 сентября по призыву уральских большевиков они участвовали вместе с местными рабочими в забастовках на Касминском, Кыштымском, Верхне-Уфалейском, Верхне-Туринском, Кушвинском и других заводах. Всего бастовало тогда около 110 тыс. человек¹⁰⁹.

⁹⁹ Там же, ф. 369, оп. 9, д. 31, л. 128.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же, лл. 121, 129.

¹⁰² Там же, ф. 1396, оп. 2, д. 1985, л. 55.

¹⁰³ Там же, ф. 2004, оп. 3, д. 1726, лл. 70—71.

¹⁰⁴ Там же, ф. 1396, оп. 2, д. 1985, л. 92.

¹⁰⁵ Там же, ф. 1606, оп. 2, д. 1071, лл. 44, 49.

¹⁰⁶ ЦГИАЛ, ф. 51, оп. 1, д. 325, л. 69.

¹⁰⁷ См. Шандор Сиклай. Первая победа Интернационального полка. Сборник «Этих дней не смолкнет слава», стр. 76—77.

¹⁰⁸ «Вперед», 29 августа 1917 г.; ЦГВИА, ф. 369, оп. 9, д. 4, лл. 15—18.

¹⁰⁹ См. «Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (март—октябрь 1917 г.)». Сборник документов. М. 1957, стр. 227; «Борьба», 12 сентября 1917 г.; ЦГВИА, ф. 369, оп. 9, д. 4, лл. 15—18; д. 99, л. 27.

Волна стачек прокатилась и на юге страны. В первых числах октября военнопленные участвовали в политической стачке в Юзовском районе ¹¹⁰, а с 10 по 13 октября — в политических забастовках в Макеевском, Чистяковском и Боково-Хрустальском районах ¹¹¹.

Важная особенность стачечной борьбы в предоктябрьский период заключалась в том, что в ней активно участвовали военнопленные, находившиеся на сельскохозяйственных работах ¹¹². В апреле и мае происходили волнения в Лебединском и Змиевском уездах Харьковской губернии ¹¹³. Летом забастовки и отказы от работ были отмечены в Балашевском уезде, Саратовской губернии ¹¹⁴ и в Каменец-Подольской губернии на Украине ¹¹⁵. В сентябре — октябре крупные стачки прошли в Ольгопольском уезде, Подольской губернии ¹¹⁶, и в Сквирском уезде, Киевской губернии, где военнопленные выступили в поддержку крестьян ¹¹⁷.

В общем счете в стачечном движении в этот период принимало участие около полмиллиона военнопленных ¹¹⁸. Безусловно, далеко не все из них правильно разбирались в происходивших в то время в России событиях. Империалистическим агентам удалось отравить ядом националистической пропаганды определенный круг военнопленных. Однако значительная часть людей, попавших в русский плен, благодаря большевистской пропаганде и общению с трудовыми массами России все более глубоко начинала осознавать, что их место в одном ряду с русскими рабочими и крестьянами, боровшимися за социалистическую революцию. Из далекого омского лагеря Карой Лигети сообщал: «Мы больше не надеемся на мирное и веселое возвращение домой. Все глубже в нас становится вера и убеждение, что только через огонь и кровь, через баррикады мы вернемся на родину... В 11 часов ночи я только что вернулся от товарищей, которые обычно собираются во втором бараке, где с 5 до 11 часов говорили о русской революции, о нашей революции, о социализме» ¹¹⁹.

С самого начала Великой Октябрьской социалистической революции тысячи военнопленных встали на ее сторону. Это было лучшим подтверждением жизненности и неодолимости идей международной солидарности трудящихся.

¹¹⁰ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 2, д. 174, л. 15.

¹¹¹ См. А. М. Лиसेцкий. Большевики во главе стачечной борьбы пролетариев Донбасса в период подготовки Октябрьского штурма (сентябрь — октябрь 1917 г.). «Сборник научных работ кафедр истории КПСС вузов г. Харькова». Вып. 3. Харьков. 1960, стр. 73.

¹¹² На сельскохозяйственных работах в 1917 г. находилось более 500 тыс. военнопленных. ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 624, л. 87.

¹¹³ «Лебединские известия», 13 апреля 1917 года.

¹¹⁴ См. А. М. Лиसेцкий. Из истории забастовочной борьбы сельскохозяйственного пролетариата Украины в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции (март — октябрь 1917 г.). «Ученые записки» Харьковского государственного университета имени А. М. Горького. Т. 107. 1960, стр. 97.

¹¹⁵ Там же, стр. 98.

¹¹⁶ Там же, стр. 93.

¹¹⁷ Там же, стр. 95—96.

¹¹⁸ См. И. Шнейдер. Указ. соч., стр. 57.

¹¹⁹ Лигети Карой. Указ. соч., стр. 12.